

Целую неделю после этой беседы от ассоциации не было ни слуху ни духу: ни предупреждений, ни штрафов. Тань Юмин пару раз невзначай поинтересовался об этом. Ян Шиянь ответила, что последний день срока рассмотрения выпал на выходной, поэтому его перенесли.

У Тань Юмина не хватило терпения. Он напрямую позвонил одному старому знакомому в инстанции. И дело было вовсе не в том, что он боялся победы «GU». Просто...

У него было плохое настроение, и он не собирался ни с кем церемониться:

— Что вы там мутите? Хотите казнить или миловать — давайте уже быстрее.

— Послушай, младший брат Тань, — усмехнулся от злости Фэн Вэйцзе. — Вы после такого допроса ещё смеете нас торопить? Это я должен спросить, что вообще творят ваши «Пинхай» и «Хуаньту»!

Занимая свой пост, он рассматривал сотни, если не тысячи дел о недобросовестной конкуренции в год:

— В чём дело? Денег девать некуда, раз вы в очереди за штрафом стоите?

Дело так затянулось только по вине самих Тань Юмина и Шэнь Цзунняня. Протоколы допроса было просто смешно читать.

Нельзя сказать, что они не действовали сообща. Они блестяще выстроили линию защиты. К каждой детали было не придаться, а цепочка доказательств была безупречной. Обвинения «GU» просто разваливались.

Но как только дело касалось скрытых внутренних рисков, каждый тянул одеяло на себя и брал всю вину. Подчинённые Фэн Вэйцзе уже всю голову сломали и каждый день прибегали к нему с документами, не зная, что делать.

Все знали, что «Хуаньту» и «Пинхай» не разлей вода.

— Эй, вы можете договориться между собой? О чём ни спроси, каждый кричит, что это его рук дело. Бойтесь, что другому влепят предупреждение?

Фэн Вэйцзе навидался интриг и ударов в спину, но такого благородства ещё не встречал:

— Я понимаю, вы партнёры и у вас крепкая боевая дружба. Но зачем же так грудью на амбразуру бросаться?

Тань Юмину стало стыдно. Он звонил с наездом, а в итоге осадили его самого. Он раздражённо ответил:

— Что за чушь! Конечно, пишите так, как я сказал. Закрывайте дело быстрее, а то я пожалуюсь в комитет на вашу медлительность.

— Эге, кому это больше надо? — Фэн Вэйцзе не стал с ним спорить. — Ладно, мы в курсе. Слушай, тут на днях у старика Тана юбилей. Не забудь передать ему поздравления от меня и моего старика.

За юбилеем дедушки Таня внимательно следили со стороны. Но семья Тань заранее объявила, что приёмов для посторонних не будет, как и подарков. Всем оставалось только искать лазейки, чтобы передать пару слов, напомнить о себе и засветиться.

— Договорились.

Фэн Вэйцзе обеспокоенно добавил:

— Только смотри не забудь!

(Сейчас многие искали пути, и тех, кто обращался с этим к Тань Юмину, явно было немало).

Тань Юмин:

— О тебе не забуду.

В день самого юбилея выдалась долгожданная ясная погода. Тань Чуншань арендовал для банкета один из залов в отеле компании «Пинхай».

Зал назывался «Врата счастья и благополучия». Редкий белый нефрит, чайный павильон из дерева наньму, несколько горшков с элегантной и роскошной кливией.

В подземном паркинге «Бентли» разминулся с «Кайеном». Вслед за этим из машин вышли две высокие фигуры. На них были сшитые на заказ костюмы похожего кроя: один цвета серого колокольчика, другой — светлого шампанского. Галстуки, запонки, часы, кожаные туфли — всё было из схожих материалов. Даже зажимы для галстуков казались почти одинаковыми.

Они переглянулись и одновременно отвели взгляды.

Они молча зашли в лифт и уставились прямо перед собой. Казалось, не было ни того раздутого из мухи слона допроса, ни детских гонок на горной дороге.

Они были взрослыми людьми. И между ними царил глубочайшее взаимопонимание: они прекрасно знали, когда можно ссориться, а когда лучше держать рот на замке.

Атмосфера была тяжёлой, молчание — невыносимым. Но сегодня был важный день для старика. Шэнь Цзуннянь не страдал ребячеством и первым нарушил тишину:

— Ты из «Цзяньсинь»? (Плановые собрания там проходили по вторникам).

Тань Юмин повернулся к нему затылком и холодно усмехнулся:

— Господин Шэнь вот-вот уедет за океан, а всё ещё интересуется, откуда я приехал?

— ...

Двери лифта открылись. Тань Юмин гордо поднял голову и вышел первым. Шэнь Цзуннянь уступил ему дорогу и пошёл следом.

Были ли там счастье и благополучие — неизвестно, но гостей собрался полный зал. Стояла радостная суэта.

Гуань Кэчжи увидела, что они пришли одновременно, и успокоилась:

— Вместе приехали?

— ...Ага, — пробормотал Тань Юмин. (Ну а что, подняться вместе на лифте с парковки — это ведь считается «вместе»).

Боясь дальнейших расспросов, он добавил:

— Пойду найду дедушку.

Заодно пусть именинник оценит его шикарный подарок.

Но кто-то его уже опередил. Дедушка Тань открыл подарки обоим внуков одновременно. Стоявшие рядом дядюшки восхищённо ахнули:

— Вот это да!

— На одном — сосна и журавль, на другом — персики бессмертия. И то, и другое символизируют долголетие. Двойная удача, двойное благословение!

Шэнь Цзуннянь тоже опешил. Сюжеты нефритовых статуэток различались, но качество камня, его прозрачность и техника резьбы явно принадлежали одному мастеру. Это была парная работа.

Тань Юмин глубоко вдохнул. В душе он уже всю матерился. Какие там, к чёрту, эксклюзивные шедевры великого мастера, единственные в своём роде?! Завтра же он пойдёт в общество защиты прав потребителей и подаст на Цзян Ина в суд за мошенничество!

Гао Шухун притворно надулась:

— На мой день рождения вы подарили один подарок на двоих. А старику преподнесли сразу две такие шикарные статуэтки.

Тань Юмин потерял дар речи, а Шэнь Цзуннянь промолчал.

Дедушка Тань был в восторге. Он вскинул седые брови и похлопал жену по руке:

— Завидовать бесполезно, дети просто меня любят!

Гао Шухун шутливо фыркнула. Старик рассмеялся и щедро, с детским задором произнёс:

— Ну ладно, дам тебе одну. Поставим у нас в спальне и будем любоваться вместе. Каждый день! Пока не надоест!

Родственники завистливо вздыхали:

— Старший брат, вот это тебе повезло! И нефриты редчайшие получил, и таких заботливых внуков вырастил.

— Это точно, — подхватил один из двоюродных дедушек. — Ты раньше всё жаловался, что в семье детей мало, тишина. Но тут ведь главное качество, а не количество! Братская любовь дороже всего. Глядя на Цзунняня, скажу: один стоит десятерых!

— Верно! Что толку, если братьев много? Посмотрите на семью Хуан: перегрызлись из-за наследства, всё богатство по ветру пустили. Не то что наши — живут душа в душу.

Старик Тань так и светился от гордости. Он громко рассмеялся и, что бывало редко, отбросил скромность:

— Это правда. Что есть, то есть. Эти двое с пелёнок не разлей вода. Ни разу не дрались и не ругались. Разве что одни штаны на двоих не носят! Родным братьям в других семьях до них

далеко.

У Тань Юмина от стыда запылало лицо, а на душе заскребли кошки. Шэнь Цзуннянь тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Они не смели взглянуть друг на друга и не знали, куда деть глаза.

А именинник вошёл во вкус и продолжил:

— Когда Нянь-цзай в детстве болел, его никто не мог заставить выпить лекарство. Соглашался только из рук своего брата Цзунняня! И все деньги из подарочных конвертов ему отдавал. А если в школе нашкодит — первым делом к брату бежал. Я вот думаю, Цзуннянь в прошлой жизни, наверное, задолжал этому маленькому дьяволёнку жизнь, раз теперь так расплачивается!

Все громко рассмеялись. У Тань Юмина аж мурашки по коже побежали. Он мысленно огрызнулся: «Это я задолжал ему восемь жизней подряд! Иначе с чего бы ему сейчас так измываться надо мной?!»

Дедушка и бабушка начали вспоминать смешные истории из их детства. Родственники слушали с удовольствием, а двое главных героев сидели как на иголках.

Наконец они дождались момента, когда всех пригласили за стол. Сидеть лицом к лицу не пришлось, но их посадили бок о бок. За огромным столом люди сидели плотно, касаясь друг друга локтями и коленями. Было немного некомфортно. У Тань Юмина пропал аппетит. Шэнь Цзуннянь несколько раз пододвигал к нему его любимые блюда, но тот упорно их игнорировал.

Подали суп с оленьими рогами и кашу с морепродуктами — каждому по порции. Тань Юмин к ним даже не притронулся. Шэнь Цзуннянь понимал, что тот имеет право злиться, но не мог спокойно смотреть, как он морит себя голодом и портит желудок. По привычке он вмешался:

— Ты вообще собираешься есть?

Тань Юмин опешил, а затем вспыхнул от гнева. Он сам ещё не начал скандалить, а Шэнь Цзуннянь посмел придирааться первым! Вот это наглость!

Он понизил голос и яростно прошипел:

— Ты собрался за океан! Какое тебе дело, ем я или нет?! Дай мне спокойно помереть от голода!!

Шэнь Цзуннянь нахмурился.

За столом стоял шум и гам. Никто и не заметил, что братья, чья дружба считалась крепче стали, тихо переругиваются.

Все по очереди произносили тосты за дедушку Таня, желая ему долгих лет жизни. Говорили, что Цзуи уже нашла хорошего жениха, и когда Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь женятся и заведут детей, то соберутся четыре поколения, и старик будет наслаждаться семейным счастьем в окружении внуков и правнуков.

Глаза дедушки засветились гордостью и надеждой. Он поднял бокал:

— Дай-то бог! Спасибо всем на добром слове.

Гости дружно подняли бокалы. Зазвенело стекло, полились весёлые разговоры. Всё происходящее в точности соответствовало золотым иероглифам на вывеске зала: «Врата счастья и благополучия».

Когда подали горячее, Тань Юмину и Шэнь Цзунняню пришла пора обходить гостей с тостами. Чтобы не ходить вдвоём, Тань Юмин прихватил с собой Тань Цзуи, которая мирно уплетала еду.

В последнее время Тань Цзуи выбивалась из сил из-за энергетического проекта и еле держалась на ногах. Но брат с сестрой были невероятно языкастыми и обаятельными, так что быстро задобрили и ближних, и дальних родственников.

С близкой роднёй Шэнь Цзуннянь и так был хорошо знаком. Но вот вторая старшая сестра дедушки Таня, переехавшая в Шэньчжэнь несколько десятилетий назад, знала его плохо.

Тань Юмин поднял бокал и с улыбкой обратился к пожилой даме:

— Двоюродная бабушка, это Шэнь Цзуннянь. Он тоже внук моего дедушки, сын моей мамы и старший брат Цзуи.

Как бы они ни ругались наедине, на людях Тань Юмин никогда не показывал и капли враждебности. Это было его железным правилом.

С детства он понимал: его отношение — это отношение всей семьи Тань. Только если он сам будет уважать, защищать и беречь Шэнь Цзунняня, эти лицемеры тоже будут его уважать.

Стоит им заметить малейшую трещину в их отношениях, как они тут же начнут пресмыкаться перед сильными и унижать Шэнь Цзунняня.

Вот только он забыл, что Шэнь Цзуннянь давно оперился и больше не нуждался ни в чьей

защите.

Тань Мэйчжэнь, которой было уже за семьдесят пять, сохранила волевые, решительные черты лица. Приняв из рук Тань Юмина бокал, она внимательно оглядела Шэнь Цзунняня:

— Наслышана. Так это ты тот самый парень из семьи Шэнь.

Шэнь Цзуннянь тоже поднял бокал. Слегка склонив голову, он ответил с достоинством:

— Да, я. Моё имя — Шэнь Цзуннянь.

Тань Мэйчжэнь произнесла с ностальгией:

— А ведь когда-то мы с Чжунваном вместе ездили в Гуанчжоу на разведку. Как летит время...

Шэнь Чжунван был дедом Шэнь Цзунняня.

В те годы бизнесмены с материка часто приезжали в Хайши, а вот в обратном направлении ездили единицы. Шэньчжэнь тогда ещё не был особой экономической зоной. Но Тань Мэйчжэнь обладала невероятной дальновидностью и смелостью. Она твёрдо решила инвестировать туда.

Все смеялись над ней и называли дурой. Но она оседлала волну реформ и открытости, став первопроходцем.

Позже бизнес разросся, и сегодня грозную «Девятую тётушку Тань» знали везде: в Шэньчжэне, Гуанчжоу и по обе стороны пролива.

Тань Мэйчжэнь вспоминала:

— Тогда никаких мостов через залив не было. Мы с Чжунваном и моим младшим братом плавали туда-сюда на лодках. Чжунвана вечно укачивало, а однажды он сильно простудился.

— Они тогда были совсем зелёными юнцами. Только я была чуть постарше, но ухаживать ни за кем не умела. Кто ж знал, что Чжунван окажется таким крепким орешком! С температурой обошёл с нами больше десятка заводов. Поверил мне и вложил свои деньги.

Сотрудничество семей Шэнь и Тань имело давнюю историю. Шэнь Цзуннянь ответил:

— В детстве дедушка действительно рассказывал мне о своих поездках на материк. Говорил, что вы с братом очень заботились о нём. Он называл вас смелой, рассудительной, верной слову

и настоящей железной леди. Это его точные слова.

Тот факт, что «Хуаньту» долгие годы тесно сотрудничала с материком, отчасти был заслугой влияния Тань Мэйчжэнь на молодого Шэнь Чжунвана.

Тань Юмин подхватил:

— Двоюродная бабушка, у «Хуаньту» и сейчас много совместных проектов в Шэньчжэне и Гуанчжоу.

Тань Цзуи поймала красноречивый взгляд брата и быстро добавила:

— Да-да, двоюродная бабушка! Я же сейчас работаю в «Хуаньту». Наши совместные проекты в прошлом году вошли в десятку лучших в зоне Залива.

Тань Мэйчжэнь видела, как брат и сестра, словно два верных стража, опекают Шэнь Цзунняня. На банкете было столько родственников, а они подвели именно его. Намёк на налаживание связей был слишком очевиден.

Она с интересом посмотрела на Шэнь Цзунняня:

— Вижу, эти двое тебя очень любят.

Шэнь Цзуннянь слегка опешил. А обычно болтливый Тань Юмин тут же прикусил язык. За них ответила стоявшая рядом тётушка:

— Ещё бы, вторая тётя! Вы в прошлый раз не приезжали, а ведь помолвку Цзуи праздновали как раз в отеле её старшего брата Цзунняня.

— О да, — подхватила третья тётушка, рассыпаясь в похвалах Шэнь Цзунняня. — Ох, какой был размах, какой шик! Всё организовал по высшему разряду. Журналисты потом ещё полмесяца статьи строчили! Цзуннянь тогда сказал, что и свадьбу Мин-цзая тоже возьмёт на себя, да ведь?

Шэнь Цзуннянь приоткрыл рот. Он искренне хотел своими глазами увидеть счастье Тань Юмина. Хотел отдать ему всё, что у него есть. Вот только он не знал, будет ли у него на это время и возможность. Поэтому он лишь опустил голову и тихо угукнул.

В глазах Тань Юмина это выглядело как крайняя отстранённость и нежелание. Он забыл старые обиды, из кожи вон лез, чтобы проложить Шэнь Цзунняню дорогу, а в ответ получил лишь холодное равнодушие. Ему стало зябко. В груди разлилась горечь, которую некуда было выплеснуть.

Обычно Тань Юмин помогал людям, ничего не ожидая взамен. Будь то обделённый вниманием в семье Чжо Чжисюань или неудачливый в любви Се Чжэньлинь — помог и забыл.

Но это был Шэнь Цзуннянь. От него Тань Юмин не мог стерпеть ни капли холодности или отчуждения. Внимание Шэнь Цзунняня принадлежало ему по праву рождения, оно было с ним с самого детства, а теперь... теперь его не было.

Обида, разочарование и какое-то новое, незнакомое чувство боли сжали его сердце. От гнева у него потемнело в глазах. Потеряв самообладание, он прошипел так тихо, чтобы слышал только один человек:

— Не нужно так себя заставлять. На свою помолвку я тебя не позову. Упаси бог отвлечь господина Шэня от завоевания заморских рынков.

Слова вырвались сами собой, и Тань Юмин тут же о них пожалел.

Шэнь Цзуннянь напрягся, словно от сильного удара. Свет коридорных ламп отбрасывал на его профиль густые тени. Спустя мгновение Тань Юмин услышал его тихий голос:

— Пусть будет так, Тань Юмин.

— Не зови меня.

Сердце Тань Юмина рухнуло куда-то в бездну.

Вернувшись из уборной, Тань Цзуи увидела брата в коридоре. Он стоял, прислонившись к стене и держась за живот. Лицо его было мертвенно-бледным. Испугавшись, она нахмурилась:

— Брат, что с тобой? Тебе плохо? Я позову брата Цзунняня!

С самого детства, стоило Тань Юмину во что-то вляпаться или заболеть, Тань Цзуи бежала не к Гуань Кэчжи и не к Тань Чуншаню. Она искала Шэнь Цзунняня.

— Не надо, — Тань Юмин схватил её за руку, переживая приступ дурноты. Хриплым голосом он добавил: — Я в порядке. Просто выпил слишком резко.

Тань Цзуи приоткрыла рот. Судя по его побледневшему лицу, дело было не в этом. Но расспрашивать она не решилась:

— Т-тогда давай я отведу тебя в комнату отдыха и принесу чай от похмелья. Посидишь, отдохнёшь.

<http://bllate.org/book/17117/1614104>